

DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.4.065-073
УДК 902/904

В.С. Мосин^{1,2}, В.В. Бобров^{3,4}, А.Г. Марочкин⁴

¹Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН
ул. Коммуны, 68, Челябинск, 454000, Россия
E-mail: mvs54@mail.ru

²Южно-Уральский государственный университет
пр. Ленина, 76, Челябинск, 454080, Россия

³Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия
E-mail: klae@kemsu.ru

⁴Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН
Советский пр., 18, Кемерово, 650000, Россия
E-mail: comcon@yandex.ru

Новые данные по хронологии неолита и эпохи раннего металла в лесостепной зоне Зауралья и Западной Сибири

В статье дан историографический анализ концепций культурогенеза неолита Зауралья, Среднеуральско-Барабинского региона и Верхнего Приобья в аспекте абсолютной хронологии комплексов. Введены в научный оборот новые радиоуглеродные даты для неолитической керамики лесостепной зоны Зауралья (22) и Западной Сибири (13). Аргументировано сосуществование козловских, полуденских и боборыкинских лесостепных и маханджарских степных комплексов Зауралья и Казахстана в конце раннего – начале позднего неолита. Обозначена синхронность поселений артынской культуры позднего неолита Среднего Приуралья и Барабы с могильниками Протока и Венгерова-2А в рамках середины – второй половины V тыс. до н.э. Получено подтверждение хронологического единства боборыкинских древностей Зауралья и боборыкинское поселения Автодром-2/2 в пределах первой половины – середины V тыс. до н.э. Уточнена абсолютная хронология поселенческих комплексов изылинского/завьяловского этапа развитого неолита в Верхнем Приобье в интервале последней четверти VI – первой четверти V тыс. до н.э. Зафиксирована ситуация хронологической неоднородности кипринско-новокусковских керамических комплексов позднего неолита в Верхнем Приобье в пределах второй трети V – начала IV тыс. до н.э. Подтверждена датировка поселений большемысской культуры IV тыс. до н.э. и обозначена методическая проблема радиоуглеродного датирования керамики этой культуры.

Ключевые слова: радиоуглеродное датирование керамики, AMS-датирование, абсолютная хронология, культурные комплексы, неолит, Зауралье, юг Западной Сибири.

V.S. Mosin^{1,2}, V.V. Bobrov^{3,4}, and A.G. Marochkin⁴

¹South Ural Department of the Institute of History and Archaeology,
Ural Branch, Russian Academy of Sciences,
Kommuny 68, Chelyabinsk, 454000, Russia
E-mail: mvs54@mail.ru

²South Ural State University,
Pr. Lenina 76, Chelyabinsk, 454080, Russia

³Kemerovo State University,
Krasnaya 6, Kemerovo, 650000, Russia
E-mail: klae@kemsu.ru

⁴Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Sovetsky pr. 18, Kemerovo, 650000, Russia
E-mail: comcon@yandex.ru

New Absolute Dates for the Trans-Uralian and Western Siberian Neolithic

This article deals with the absolute chronology of the Neolithic cultures of the eastern Ural, Middle Irtysh-Baraba, and the Upper Ob basin. Twenty-two new radiocarbon dates for the ceramic assemblages of Trans-Uralian Neolithic and thirteen for those of the western Siberian forest-steppe suggest that Kozlov Mys, Poludenka, and Boborykino sites in the forest-steppe coexisted with those of the Makhandzhar type in eastern Ural and Kazakhstan during the early Neolithic and in the beginning of the Late Neolithic. Late Neolithic Artyn settlements on the Middle Irtysh and in Baraba are contemporaneous with the Protoka and Vengerovo-2A burial grounds (middle and second half of the 5th millennium BC). Boborykino sites in the eastern Ural are contemporaneous with Avtodrom-2/2 representing the same culture (first half and mid-5th millennium BC). The Izylino/Zavyalovo stage of the Middle Neolithic on the Upper Ob dates to late 6th to early 5th millennia BC. Late Neolithic Kiprino-Novokuskovo sites on the Upper Ob date to the mid-5th to early 4th millennia BC. The Bolshoy Mys sites date to the 4th millennium BC.

Keywords: Radiocarbon dating, AMS-dating, absolute chronology, Neolithic, Trans-Urals, southwestern Siberia.

Введение

Важнейшей задачей археологии является реконструкция историко-культурных процессов. Опора на верифицированную региональную хронологическую шкалу позволит объективно реконструировать генезис, распространение и возможное взаимовлияние различных традиций, существовавших на исследуемой территории в неолитическую эпоху. В настоящее время радиоуглеродные даты, полученные для стоянок неолита в лесостепи от Уральских гор до р. Оби, распределяются очень неравномерно. Так, для Зауралья насчитывается более 100, а для огромной территории Западной Сибири они единичны. Крайне необходимо увеличивать аналитическую базу данных. За два года после обобщения всех имеющихся радиоуглеродных дат по неолиту Урала [Выборнов, Мосин, Епимахов, 2014] для лесостепной зоны Зауралья и Западной Сибири было получено более 30 новых дат, среди которых присутствуют как радиоуглеродные конвенционные, так и определенные AMS-методом. В статье представлены по большей части результаты радиоуглеродного датирования керамики. Это довольно новое направление в отечественной археологии. Вместе с тем подобная практика получает все более широкое распространение в мире, особенно в случае дефицита образцов из органических материалов (обзор см.: [Кулькова, 2014]). Полученные данные, с одной стороны, подтвердили хронологические позиции отдельных культурных комплексов, с другой – обозначили проблемы сопоставления результатов датирования керамики и AMS-дат, определенных по нагару на ней.

Результаты радиоуглеродного датирования неолитических комплексов Зауралья

Одной из основных проблем в периодизации неолита Зауралья является хронологическое соотношение кошкинской и боборыкинской культурных традиций [Ковалева, 1989, с. 62; Зах, 2009, с. 250–253].

Для первой, которая большинством уральских археологов считается самой ранней в неолите региона, ранее была получена по углю и керамике серия из 27 радиоуглеродных дат в интервале от $7\ 150 \pm 100$ (LE-8901) до $5\ 840 \pm 90$ (Ki-16169) л.н. [Выборнов, Мосин, Епимахов, 2014]. Четыре даты для Кокшаровского холма в диапазоне от $7\ 440 \pm 200$ (LE-7882) до $7\ 610 \pm 80$ (Ki-16386) л.н. были признаны сильно удревненными и не вошли в статистику. Новые даты для кошкинской традиции получены по нагару на керамике с торфяниковой стоянки Береговая II и по кости со стоянки Мергень-6 [Жилин, Савченко, Зарецкая, 2015; Зах, Еньшин, 2015] – соответственно $7\ 325 \pm 40$ (KIA-42074) и $7\ 147 \pm 38$ (OxA-27706) л.н. Они закрывают лауну между основной серией дат и четверья, считавшимися слишком древними. Однако такое серьезное удревнение процесса неолитизации для лесной и лесостепной зон Зауралья пока трудно признать реальным, поскольку даже для степной зоны Волго-Уралья и Прикаспия значения в 7 700 л.н. считаются спорными.

Согласно концепции В.Т. Ковалевой [1989, с. 48–59] в дальнейшем подтвержденной 23 радиоуглеродными датами в интервале от $6\ 210 \pm 90$ (Ki-16862; Второй Поселок) до $5\ 180 \pm 90$ (Ki-15118; Ташково III) л.н. [Выборнов, Мосин, Епимахов, 2014] для басьяновско-боборыкинских комплексов, эта традиция относится к позднему неолиту. В.А. Зах [2009, с. 252] на основании двух дат для поселения Юртобор-3 – $7\ 701 \pm 120$ л.н. (УПИ-559; жилище 1) и $9\ 025 \pm 70$ л.н. (СОАН-531; жилище 2) – считает ее ранне-неолитической. Решение создавшейся проблемной ситуации требовало получения новых данных.

В 2014 г. по фрагменту керамики боборыкинской традиции с поселения Юртобор-3 была получена дата $6\ 064 \pm 100$ л.н. (табл. 1, № 14), которая соответствует хронологическому интервалу, установленному для этой традиции ранее, как и новые даты для боборыкинских комплексов поселений Пикушка I и Усть-Суерка-4 (табл. 1, № 16–18). В 2015 г. в Германии по нагару с того же сосуда была получена AMS-дата на 1 000 лет древнее – $7\ 110 \pm 70$ л.н. (табл. 1, № 15).

Таблица 1. Новые радиоуглеродные даты неолитических памятников Зауралья

№ п/п	Памятник	Лабораторный индекс	¹⁴ C-дата, л.н.	Календарная дата, гг. до н.э.
1	Кочегарово-1	SPb-1271_1	5 815 ± 150	4841–4494 (1σ) 5034–4354 (2σ)
2	»	SPb-1273_1	5 817 ± 130	4806–4521 (1σ) 5307–4685 (2σ)
3	»	SPb-1274_1	5 878 ± 120	4865–4591 (1σ) 5044–4461 (2σ)
4	»	SPb-1269	5 952 ± 100	4964–4723 (1σ) 5080–4591 (2σ)
5	»	SPb-1272	6 073 ± 100	5077–4843 (1σ) 5228–4729 (2σ)
6	»	AA104958	6 539 ± 41	5530 – 5475 (1σ) 5612 – 5384 (2σ)
7	»	AA104959	6 619 ± 38	5615 – 5525 (1σ) 5621 – 5491 (2σ)
8	»	SPb-1669	5 630 ± 120	4593–4348 (1σ) 4744–4251 (2σ)
9	»	SPb-1270	4 115 ± 100	2780–2576 (1σ) 2917–2458 (2σ)
10	»	SPb-1668	5 130 ± 120	4054–3762 (1σ) 4241–3657 (2σ)
11	Екиндин-24	SPb-1670	5 662 ± 120	4615–4363 (1σ) 4790–4322 (2σ)
12	Соленое Озеро-I	SPb-1671	5 966 ± 120	5007–4709 (1σ) 5209–4581 (2σ)
13	Кочегарово-1	SPb-1667	6 049 ± 130	5079–4793 (1σ) 5307–4685 (2σ)
14	Юртобор-3	SPb-1275	6 064 ± 100	5076–4836 (1σ) 5226–4724 (2σ)
15	»	KIA-51100	7 110 ± 70	6090–5840
16	Пикушка I	SPb-1674	6 120 ± 120	5322–4769 (2σ)
17	Усть-Суерка-4	SPb-1675	6 226 ± 120	5469–4906 (2σ)
18	»	SPb-1676	5 505 ± 120	4606–4045 (2σ)
19	Нижнее Озеро III	SPb-1672	5 953 ± 110	4984–4715 (1σ) 5080–4550 (2σ)
20	»	SPb-1673	5 481 ± 110	4458–4231 (1σ) 4541–4046 (2σ)
21	Иска III	SPb-1639	3 965 ± 120	2632–2286 (1σ) 2872–2194 (2σ)
22	»	SPb-1640	5 130 ± 150	4058–3713 (1σ) 4263–3649 (2σ)

Примечание: даты № 6, 7, 15 получены по нагару, остальные – по керамике.

Это могло бы позволить говорить об отнесении комплекса памятника Юртобор-3 к раннему неолиту. Однако значение ^{13}C составило $-29,67 \pm 0,19$, что предполагает большую вероятность присутствия резервуарного эффекта, за счет которого даты могут быть удревнены на 500 – 2 000 лет (устное сообщение М.А. Кульковой).

Наличие резервуарного эффекта при датировании в настоящий момент является существенной проблемой. Так, даты для козловского комплекса поселения Кочегарово-1 показали хронологический интервал от $6\,073 \pm 100$ (SPb-1272) до $5\,740 \pm 90$ (Ki-16856) л.н. [Мосин, Страхов, 2012]. Их верность подтверждается данными, полученными на поселении Мергень-7, где близкий по материальной культуре комплекс, но типологически немного более молодой, датирован по углю и керамике в интервале от $5\,520 \pm 120$ (Ki-17081) до $5\,790 \pm 115$ (СОАН-8897) л.н. [Еньшин, 2015]. Однако, как и в случае с Юртобором-3, AMS-даты, полученные в Аризоне для козловского комплекса Кочегарово-1, оказались значительно древнее: $6\,539 \pm 41$ и $6\,619 \pm 38$ л.н. (табл. 1, № 6, 7). Опять же значения ^{13}C составили $-34,6$ и $-31,9$ соответственно, что также предполагает существенное удревнение из-за резервуарного эффекта.

Важными для понимания культурной ситуации в позднем неолите региона стали две даты, полученные для маханджарской традиции Северного Казахстана на памятниках Соленое Озеро I и Екиндин-24 – соответственно $5\,966 \pm 120$ и $5\,662 \pm 120$ л.н. (табл. 1, № 11, 12); а также дата сосуда этой традиции с поселения Кочегарово-1 – $6\,049 \pm 130$ л.н. (табл. 1, № 13), которая очень близка дате, полученной по фрагменту такой керамики с боборыкинского памятника Ук VI, – $6\,040 \pm 80$ л.н. (Ki-15960). Сосуд маханджарского облика найден и на поселении Мергень-7 [Там же]. Все эти данные позволяют уверенно говорить о сосуществовании козловских, полуденских и боборыкинских лесостепных и маханджарских степных комплексов Зауралья и Казахстана в конце раннего – начале позднего неолита.

Еще одним примером действия резервуарного эффекта являются две даты, полученные для поселения ташковской культуры Иска III (табл. 1, № 21, 22). Более древняя из них сопровождается показателем $\delta^{13}\text{C}(\text{VPDB}) = -32,45 \pm 0,05$ ‰, что подразумевает существенное ее удревнение из-за резервуарного эффекта.

Также часто встречается противоречие между датами, полученными по углю и органическим остаткам в керамике. В Зауралье впервые это было четко зафиксировано при датировании материалов Кокшаровского холма [Шорин, Шорина, 2011]. Для поселения Нижнее Озеро III [Чаиркина, Дубовцева, 2014] по органическим остаткам в керамике определены две даты – $5\,953 \pm 110$ и $5\,481 \pm 110$ л.н. (табл. 1,

№ 19, 20). Они оказались намного моложе ранее полученных в Киеве: $6\,510 \pm 90$ (Ki-15394), $6\,250 \pm 90$ (Ki-15395) л.н. Еще более древние даты были получены по углю с полов жилищ этого поселения: $7\,735 \pm 90$ (СОАН-6203), $6\,645 \pm 140$ (СОАН-6944) л.н.

Абсолютная хронология неолитических поселений Барабинской лесостепи в аспекте корреляции с радиоуглеродными датами погребений

Для изучения неолита Барабинской лесостепи на современном этапе актуально корректное сопоставление культурно-хронологических схем, построенных на основании изучения погребальных и поселенческих комплексов. Преимущественно на материалах погребений, исследованных в 1970-х – 1990-х гг., базируется концепция В.И. Молодина. Он полагает, что в позднем неолите Бараба и лесостепное Прииртышье стали местом взаимодействия автохтонных обществ с отступающе-накольчатой керамикой и носителей гребенчато-ямочной керамической традиции западного и северо-западного происхождения [Молодин, 1977, с. 33; 1985, с. 5–7; 2001, с. 26–27].

Даты, полученные по ^{14}C для могильников Сопка-2/1, 3, Протока, Корчуган в лабораториях г. Новосибирска (Россия) и г. Эдмонта (Канада), формируют основной фонд данных по абсолютной хронологии неолита и эпохи раннего металла в Барабинской лесостепи [Молодин, 2001, с. 117; Молодин и др., 2004]. Согласно калиброванным значениям при $\pm 2\sigma$, Ж.В. Марченко предложена следующая хронологическая колонка: Сопка-2/1 (вторая половина VII – начало VI тыс. до н.э.) – Корчуган (вторая четверть – середина VI тыс. до н.э.) – Протока/1-й этап (вторая треть VI – первая четверть V тыс. до н.э.) – Протока/2-й этап (середина V тыс. до н.э.) и Сопка-2/3 (вторая половина V тыс. до н.э.) – Тартас-1 (вторая четверть – середина III тыс. до н.э.) [2009]. В рамках схемы второй этап существования неолитического могильника Протока синхронизирован с погребениями эпохи раннего металла усть-тартасской культуры на могильнике Сопка-2/3, при этом относительно поздние усть-тартасские захоронения Тартаса-1 обозначили проблему периодизации данной культуры [Там же, с. 143]. Совсем недавно по результатам радиоуглеродного датирования определены календарные даты неолитических погребений могильника Венгерovo-2А – 5363–5001 (СОАН-8738) и 5358–4864 (СОАН-8739) гг. до н.э. [Молодин и др., 2012, с. 121]. Выявленный диапазон соответствует хронологии могильника Протока [Там же].

За последнее десятилетие кемеровскими специалистами под руководством В.В. Боброва проведе-

ны масштабные раскопки неолитических поселений Автодром-1 и -2 в Северо-Западной Барабе. Особенное значение в аспекте рассматриваемой проблемы имеют материалы последнего. Для памятника характерно уникальное для юга Западной Сибири компактное расположение крупных разнокультурных поселков, представленных остатками жилищ, керамикой и каменным инвентарем, – артынского (Автодром-2/1) и боборыкинского (Автодром-2/2) [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012]. На основании этих материалов предложено уточнить схему неолита Барабы, выделив две линии развития – автохтонную, представленную на поздненеолитическом этапе самобытной артынской культурой, и аллохтонную, связанную с локальными миграциями боборыкинского населения из Зауралья [Бобров, Марочкин, 2011а; 2013]. Хроностратиграфия боборыкинского и артынского комплексов свидетельствует о том, что последний более поздний [Бобров, Марочкин, 2011б], но датирование керамических материалов этих комплексов термoluminesцентным методом показало их синхронность

во второй половине V – начале IV тыс. до н.э. [Бобров, Комарова, 2008]. В 2014–2015 гг. для боборыкинской и артынской керамики получены ^{14}C -даты. Это делает возможной хронологическую корреляцию комплексов с другими памятниками.

По органическим включениям в артынской керамике с поселения Автодром-2/1 получены четыре даты: $5\,795 \pm 100$, $5\,914 \pm 150$, $5\,350 \pm 100$, $5\,342 \pm 100$ л.н. (табл. 2, № 4–7). При $\pm 1\sigma$ калиброванные значения делятся на две хронологические группы: 1) первая половина V тыс. до н.э. (табл. 2, № 4, 5); 2) последняя четверть V тыс. до н.э. (табл. 2, № 6, 7). При $\pm 2\sigma$ группировка сохраняется с расширением вероятных интервалов: 1) последняя четверть VI – первая половина V тыс. до н.э.; 2) вторая треть V – начало IV тыс. до н.э. Столь значительное расхождение зафиксировано для типологически однородной керамики, но происходящей из разных жилищ. Ранняя группа включает образцы из слоя и жилища 4, поздняя – из планиграфически близких жилищ 15 и 18. Связь обозначенных хронологических групп с раз-

Таблица 2. Новые радиоуглеродные даты неолитических памятников Западной Сибири, полученные по керамике

№ п/п	Памятник	Лабораторный индекс	^{14}C -дата, л.н.	Календарная дата, гг. до н.э.
1	Автодром-2/2	SPb-1276_1	$5\,748 \pm 130$	4780–4451 (1 σ) 4980–4331 (2 σ)
2	»	SPb-1277	$5\,967 \pm 100$	4964–4726 (1 σ) 5081–4605 (2 σ)
3	»	SPb-1278	$5\,884 \pm 100$	4851–4651 (1 σ) 5000–4505 (2 σ)
4	Автодром-2/1	SPb-1279	$5\,795 \pm 100$	4770–4536 (1 σ) 4857–4447 (2 σ)
5	»	SPb-1280_1	$5\,914 \pm 150$	4987–4611 (1 σ) 5208–4485 (2 σ)
6	»	SPb-1281	$5\,350 \pm 100$	4266–4145 (1 σ) 4358–3971 (2 σ)
7	»	SPb-1282	$5\,342 \pm 100$	4263–4052 (1 σ) 4353–3970 (2 σ)
8	Танай-4А	SPb-1680	$2\,938 \pm 120$	1429–891 (2 σ)
9	»	SPb-1681	$4\,694 \pm 120$	3707–3095 (2 σ)
10	Старый Тартас-5/12	SPb-1683	$5\,799 \pm 120$	4940–4441 (2 σ)
11	»	SPb-1684	$5\,040 \pm 120$	4073–3633 (2 σ)
12	Долгая-1	SPb-1677	$6\,165 \pm 110$	5229–4978 (1 σ) 5358–4835 (2 σ)
13	»	SPb-1679	$5\,804 \pm 110$	4787–4536 (1 σ) 4939–4446 (2 σ)

ными объектами памятника теоретически позволяет интерпретировать их в рамках внутренней периодизации. Но такой подход требует большего количества дат и хроностратиграфических наблюдений. Результаты датирования артынской керамики с поселения Старый Тартас-5 не решают проблему, демонстрируя такое же расхождение для планиграфически близких и типологически идентичных сосудов: $5\,799 \pm 120$ и $5\,040 \pm 120$ л.н., что при $\pm 2\sigma$ соответствует первой половине V тыс. до н.э. и концу V – первой трети IV тыс. до н.э. соответственно (табл. 2, № 10, 11). По всей видимости, пока целесообразно использовать усредненные показатели и датировать артынский комплекс поселения Автодром-2 и артынскую культуру в целом серединой – второй половиной V тыс. до н.э.* Уже на данном этапе обозначена синхронность артынских поселений и позднеэнеолитических могильников Протока и Венгерovo-2А, что ставит вопрос об их объединении в рамках одной культуры. Вероятные хронологические диапазоны артынских поселенческих комплексов и усть-тартасских погребений эпохи раннего металла на могильнике Сопка-2/3 близки друг другу в крайних значениях. Это служит еще одним доказательством взаимодействия усть-тартасских групп эпохи раннего металла с автохтонным позднеэнеолитическим населением, нашедшего отражение в конструкции погребальных сооружений могильников Сопка-2/3, -3А [Молодин, 2001, с. 106] и подтвержденного их радиоуглеродной хронологией [Марченко, 2009, с. 143].

По боборыкинской керамике получены три даты: $5\,748 \pm 130$, $5\,967 \pm 100$ и $5\,884 \pm 100$ л.н. (табл. 2, № 1–3). Приняв калиброванные значения при $\pm 2\sigma$, боборыкинский комплекс поселения Автодром-2/2 следует датировать первой половиной – серединой V тыс. до н.э., что сближает его хронологическую позицию с основной серией дат для боборыкинских древностей Зауралья (см. предыдущий раздел) и предполагает синхронизацию с наиболее ранними артынскими комплексами. Это не позволяет принять точку зрения В.А. Заха и Д.Н. Еньшина о связи поселения Автодром-2/2 с миграционными процессами на раннем этапе неолитизации Западной Сибири [2015, с. 42]. Напротив, полученные результаты подтверждают концепцию о существовании в позднем неолите среднеиртышско-барабинского боборыкинского культурного эксклава, находившегося в окружении автохтонных обществ с упрощенной отступающе-прочерченно-накольчатой орнаментацией остродонной керамики [Бобров, Марочкин, 2013].

*Более подробно о хронологии артынских древностей и их месте в неолите Западной Сибири см.: [Бобров, Марочкин, Юракова, 2017].

Новые результаты радиоуглеродного датирования поселенческих комплексов неолита и энеолита Верхнего Приобья

Современное знание о неолите и энеолите Верхнеобского региона базируется на результатах многолетних исследований поселенческих и погребальных комплексов в Кузнецко-Салаирской горной области, Томском, Барнаульском и Новосибирском Приобье, северных предгорьях Алтая (обзор историографии см.: [Марочкин, 2013]). Сложилось представление о самобытной верхнеобской неолитической культуре, развитие которой подразделяется на два этапа – ранний (завьяловский по В.И. Молодину или изылинским по В.А. Заху) и поздний (кипринский) [Матюшенко, 1973, с. 60–61; Молодин, 1977, с. 11–25; Зах, 2003, с. 146]. В юго-восточных районах Верхнего Приобья выделена кузнецко-алтайская неолитическая культура восточно-сибирского происхождения [Аникович, 1969; Молодин, 1977, с. 25–30; Окладников, Молодин, 1978; Bobrov, 1988]. Энеолитический период характеризуется новокусковской культурой энеолита – раннего бронзового века в Томском Приобье [Косарев, 1974, с. 43; Кирюшин Ю.Ф., 2004, с. 12–13] и большемысской энеолитической в лесостепном Алтае и Северо-Восточном Присалаирье [Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 36–38; Бобров, 2010]. Большое число памятников имеет дискуссионную эпохально-хронологическую атрибуцию. Оспаривается неолитический возраст кипринского этапа и предлагается его тождество новокусковскому [Косарев, 1974, с. 43–47; Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 44], обоснован неолитический облик материального комплекса большемысской культуры в северо-восточной части ее ареала [Бобров, 2010]. Сохраняется полемика о хронологии новокусковских и игрековских памятников Томского Приобья: аргументирована как неолитическая атрибуция [Комарова, 1952; Матюшенко, 1973, с. 60–61, Марочкин, 2014, с. 25; Бобров, 2015], так и принадлежность к начальному периоду эпохи палеометалла [Древняя история..., 1953, с. 43–44; Косарев, 1974, с. 43–47; Молодин, 1977, с. 36–44; Кирюшин Ю.Ф., 2004, с. 25–28]. Ситуацию усугубляет малое число имеющихся радиоуглеродных дат и отсутствие их корреляции с керамическими комплексами.

В настоящий момент доступна серия дат для ряда бескерамических грунтовых погребений неолита в Горном Алтае и его северных предгорьях, а также на южной периферии Кузнецкой котловины (Кузнецкий, Большой Мыс, Усть-Иша, Солонцы-5, Каминная, НТП-1) [Кунгурова, 2005, с. 57, табл. 4]. В калиброванном значении при $\pm 2\sigma$ даты большинства из этих комплексов распределены в интервале второй половины V – начала IV тыс. до н.э., а для ряда погребений могильника Большой Мыс возможно удревнение

до последней четверти VI тыс. до н.э. [Марочкин, 2014, с. 24]. В совокупности с калиброванными значениями радиоуглеродных дат, полученных по бересте из погребений Старого Мусульманского кладбища (лесные районы Томского Приобья), в пределах V тыс. до н.э. [Кирюшин Ю.Ф., 1988] эта серия определяет хронологию позднего неолита Верхнеобского региона.

Энеолитическая атрибуция большемысских поселенческих комплексов, датированных в пределах III тыс. до н.э., обоснована Ю.Ф. Кирюшиным на основании стратиграфии поселения Тыткескень-2 [2002, с. 33]. Опираясь на абсолютную дату древнейших меднорудных разработок Горного Алтая, он допускает удревнение этих поселений до второй половины IV тыс. до н.э. [Там же, с. 32–35]. Совсем недавно в научный оборот введены данные о большемысском комплексе поселения Новоильинка VI в Кулундинской лесостепи [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2015]. По результатам радиоуглеродного датирования костного материала исследователи относят памятник к первой половине III тыс. до н.э., но при этом не исключают возможность удревнения нижнего предела калиброванных значений до середины IV тыс. до н.э. [Там же, с. 164]. Для поселения Танай-4а, маркирующего северо-восточную периферию большемысского ареала, имеются три даты, полученные по кости в Институте геологии СО РАН, и одна – по рыбьей чешуе в Германском археологическом институте. В некалиброванном значении они соответствуют середине III тыс. до н.э., а при калибровке – началу второй половины IV тыс. до н.э. [Бобров, 2010]. То есть можно говорить об относительной синхронности поселений с большемысской керамикой в различных районах распространения культуры. В то же время полученные результаты в очередной раз свидетельствуют о неправомерности культурного отождествления этих поселений с могильником Большой Мыс (северные предгорья Алтая) – он, как уже сказано выше, демонстрирует самые древние даты в серии для неолитических погребений Верхнего Приобья. Наиболее близким в хронологическом плане к поселениям большемысской культуры является грунтовый могильник Новоалтайск-Развилка, который, согласно данным радиоуглеродного датирования кости, относится к рубежу IV–III тыс. до н.э. [Кирюшин К.Ю., Волков, 2006]. Калиброванное значение даты соответствует первой половине IV тыс. до н.э.

В 2015 г. в изотопном центре кафедры геологии и геоэкологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург) получено несколько радиоуглеродных дат для изылинской, кипринско-новокусовской и большемысской поселенческой керамики из Кузнецкой котловины. Эти результаты имеют фундаментальное значение для уточнения хронологии ранних комплексов Верхнеобского региона.

Для изылинского сосуда со стоянки Долгая-1 получена дата $6\ 165 \pm 110$ л.н. Калиброванные значения определяют следующие диапазоны: последняя четверть VI – начало V тыс. до н.э. при $\pm 1\sigma$, последняя треть VI – первая четверть V тыс. до н.э. при $\pm 2\sigma$ (табл. 2, № 12). При обосновании изылинского этапа В.А. Зах отнес его к первой половине V тыс. до н.э. [2003, с. 146], что было поддержано нами при анализе изылинской керамики Нижнего Притомья [Марочкин, Юракова, 2014]. Позднее В.А. Зах и Д.Н. Еньшин на основании спорово-пыльцевого анализа слоев инских поселений датировали этот этап в широких пределах $6\ 600 - 5\ 410$ л.н. (т.е. вторая треть V – середина IV тыс. до н.э.), связав его с серединой атлантического периода [2015]. Дата сосуда со стоянки Долгая-1 удревняет изылинские поселения, в целом соответствуя сложившимся представлениям об их нижней хронологической позиции относительно кипринско-новокусовских комплексов. В.А. Зах и Д.Н. Еньшин, настаивая на привнесённой неолитизации Западной Сибири, выстраивают боборыкинские памятники Зауралья, боборыкинский комплекс поселения Автодром-2 в Барабинской лесостепи и поселения с изылинской керамикой в Верхнем Приобье в хронологическую последовательность, якобы отражающую этапы распространения керамической традиции на восток [Там же]. Это противоречит многочисленным радиоуглеродным датам для боборыкинских памятников Зауралья и не подтверждается рассмотренной выше группой дат для боборыкинского комплекса Барабы.

В 2010 и 2015 гг. впервые получены две даты для кипринско-новокусовской керамики со стоянки Долгая-1. Для одного сосуда (остродонная банка, орнаментированная горизонтальными рядами «гладкой качалки») – $5\ 804 \pm 110$ л.н. Калиброванные значения определяют следующие интервалы: первая четверть – середина V тыс. до н.э. при $\pm 1\sigma$, начало – вторая четверть V тыс. до н.э. при $\pm 2\sigma$ [табл. 2, № 13]. Для другого сосуда (банка, орнаментированная поясами ямочных наколов) по нагару получена дата $5\ 200 \pm 100$ л.н. (SPb-570) [Марочкин, Юракова, 2014]. Если принимать в расчет калиброванные значения при $\pm 2\sigma$, его следует датировать последней третью V – первой четвертью IV тыс. до н.э. Это позволило говорить о синхронности кипринско-новокусовских памятников с некоторыми поздненеолитическими могильниками региона [Там же]. Полученные даты, даже с учетом их единичности, ставят вопрос о периодизации комплексов данного культурного массива. Дата первого сосуда закрывает лауну между изылинскими/завьяловскими поселениями и кипринско-новокусовскими комплексами, возможно маркируя тем самым ранние этапы формирования последних.

Опыт радиоуглеродного датирования керамики большемысской культуры следует признать менее удач-

ным (табл. 2, № 8, 9). Для одного образца была получена предельно «омоложенная» дата $2\,938 \pm 120$ л.н., что при калибровке ($\pm 2\sigma$) дает середину II – начало I тыс. до н.э. Без всякого сомнения, этот результат, явно диссонирующий с приведенными выше датами, следует исключить из рассмотрения. Радиоуглеродная дата второго образца $4\,694 \pm 120$ л.н., но калиброванные значения при $\pm 2\sigma$ охватывают весьма значительный интервал – вторая четверть – конец IV тыс. до н.э. Это принципиально подтверждает ранее полученные сведения, но практически бесполезно для выяснения хронологического соотношения большемысских поселений с другими ранними памятниками региона.

Заключение

Главной задачей статьи являлось решение таких наиболее дискуссионных проблем западно-сибирской археологии, как хронология комплексов неолита и раннего периода эпохи палеометалла. Соответственно, был произведен отбор образцов для датирования естественно-научными методами, ориентированный на реализацию этой задачи. Географически они связаны с комплексами Зауралья, Барабинской лесостепи и Верхнего Приобья. Несмотря на небольшое количество полученных абсолютных дат для такого обширного пространства, они позволили сделать ряд выводов.

В археологии Зауралья хронология неолитических комплексов является противоречивой по представлениям разных специалистов. Особенно это касается боборыкинской культуры. Новые абсолютные даты, полученные по материалам этой культуры как из центральных районов ее ареала, так и из комплексов за его пределами (Западная Бараба), совпадают с большей частью определенных естественно-научными методами ранее. Они позволяют относительно уверенно датировать культуру первой половиной V тыс. до н.э., а также сделать вывод о некотором сосуществовании боборыкинских комплексов с козловскими и полуденскими на территории Зауралья. Вместе с тем проведенное исследование обозначило проблему датирования AMS-методом, связанную с т.н. резервуарным эффектом. Эта проблема не археологическая, но должна учитываться при критике достоверности данных.

Новые абсолютные даты, полученные для комплексов восточных районов западно-сибирской лесостепи, также отвечают главной задаче. Дата изылинского/завьяловского этапа не только подтверждает его установленную относительную хронологию, но и позволяет предполагать синхронность с боборыкинскими комплексами. Кипринский тип/новокусовский этап многие специалисты относят к периоду смены эпох. В аспекте традиционных методов датирования он позже изылинского/завьяловского. Это подтверждают аб-

солютные даты, но они указывают на то, что этот этап относится к неолитическому хронологическому диапазону. Естественно, решение данной проблемы потребует репрезентативной серии абсолютных дат и анализа качественно новых археологических источников.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 14-06-00041).

Список литературы

- Аникович М.В.** О культурной принадлежности неолитических памятников Верхнего Приобья // Этногенез народов Северной Азии: мат-лы конф. – Новосибирск: Наука, 1969. – С. 62–64.
- Бобров В.В.** Большемысская культура // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 110–113.
- Бобров В.В.** Каменные орудия разрушенных погребений из северных предгорий Кузнецкого Алатау // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: сб. ст., посвящ. 70-летию проф. Ю.Ф. Кирушина / под ред. А.А. Тишкина. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – С. 148–154.
- Бобров В.В., Комарова Я.М.** Хронология неолитических комплексов поселения Автодром-2 (по данным термолюминесцентного анализа) // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2008. – С. 82–86.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г.** Артынская культура // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. – СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011а. – Т. I. – С. 106–108.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г.** Хроностратиграфия неолитических комплексов поселения Автодром-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011б. – Т. XVII. – С. 14–19.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г.** Боборыкинский комплекс из Барабы: проблема исторической интерпретации // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2013. – № 3 (23). – С. 211–215.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю.** Поселение боборыкинской культуры Автодром 2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии / ИПОС СО РАН. – 2012. – № 3 (18). – С. 4–13.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю.** Поселение артынской культуры Автодром-2 – памятник позднего неолита в Барабинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 45, № 1. – С. 49–61.
- Выборнов А.А., Мосин В.С., Елимахов А.В.** Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 1. – С. 33–48.
- Древняя история** Нижнего Приобья / В.Н. Чернецов, В.И. Мошинская, И.А. Талицкая. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 360 с.

Еньшин Д.Н. Керамический комплекс поселения Мергеня 7 (Нижнее Приишимье): характеристика и интерпретация // Вестн. археологии, антропологии и этнографии / ИПОС СО РАН. – 2015. – № 2 (29). – С. 15–27.

Жилин М.Г., Савченко С.Н., Зарецкая Н.Е. Раскопки раннеэнеолитических торфяниковых стоянок Варга 2 и Береговая II в Среднем Зауралье // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию В.П. Третьякова / под ред. В.М. Лозовского, О.В. Лозовской, А.А. Выборнова. – СПб.: ИИМК РАН, 2015. – С. 193–197.

Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалярья и Приобья. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – 168 с.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 2009. – 320 с.

Зах В.А., Еньшин Д.Н. К вопросу о неолитизации в лесостепи Западной Сибири // Вестн. Кем. гос. ун-та. – 2015. – Т. 6, № 2. – С. 34–43.

Киришин К.Ю., Волков П.В. Периодизация погребения № 2 грунтового могильника Новоалтайск // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар: Эко, 2006. – Вып. 2. – С. 44–49.

Киришин Ю.Ф. Периодизация культур неолита и бронзы Верхнего и Среднего Приобья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1988. – С. 59–63.

Киришин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 294 с.

Киришин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – 295 с.

Киришин Ю.Ф., Киришин К.Ю. Большемысский комплекс поселения Новоильинка VI // Археология Западной Сибири и Алтай: опыт междисциплинарных исследований: сб. ст., посвящ. 70-летию проф. Ю.Ф. Киришина / под ред. А.А. Тишкина. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – С. 164–169.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1989. – 80 с.

Комарова М.Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. I. – С. 7–50.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. – М.: Наука, 1974. – 193 с.

Кулькова М.А. Радиоуглеродное датирование древней керамики // Самар. науч. вестн. – 2014. – № 3 (8). – С. 115–122.

Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5: Культура погребенных неолита Алтая. – Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2005. – 127 с.

Марочкин А.Г. Культурно-хронологические концепции неолита и раннего металла Верхнего Приобья в отечественной историографии 1970-х – начала 2010-х годов // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2013. – № 7 (135). – С. 84–90.

Марочкин А.Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (история изучения, структурный анализ и типология, проблемы куль-

турно-хронологической интерпретации): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2014. – 33 с.

Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Материалы неолита – энеолита стоянки Долгая-1 (южные районы Нижнего Приобья) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, № 3. – С. 189–201.

Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология археологических памятников эпохи неолита и раннего металла Барабинской лесостепи // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – С. 140–143.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. – Ч. I. – 149 с. – (Из истории Сибири; вып. 9).

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.

Молодин В.И. Проблемы мезолита и неолита лесостепной зоны Обь-Иртышского междуречья // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1985. – С. 3–17.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. I. – 128 с.

Молодин В.И., Мильникова Л.Н., Нестерова М.С., Орлова Л.А. Уникальный погребально-ритуальный комплекс эпохи неолита в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 117–122.

Молодин В.И., Парциггер Г., Гришин А.Е., Пинецка Х., Новикова О.И., Чемякина М.А., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Шатов А.Г. Исследование могильника бронзового века Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. I. – С. 358–364.

Мосин В.С., Страхов А.Н. Поселение Кочегарово I – опорный памятник неолита и энеолита лесостепного Зауралья // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: мат-лы Всерос. науч. конф. «VI Емельяновские чтения» (Курган, 26–28 апр. 2012 г.). – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2012. – С. 40–41.

Окладников А.П., Молодин В.И. Турочакская писаница (Алтай, долина р. Бия) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 11–21.

Чаиркина Н.М., Дубовцева Е.Н. Керамические комплексы эпохи неолита поселения Нижнее озеро III // Вестн. археологии, антропологии и этнографии / ИПОС СО РАН. – 2014. – № 1 (24). – С. 4–13.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Радиоуглеродные даты Кокшаровского холма // Вопр. археологии Урала: сб. науч. тр. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. – Вып. 26. – С. 249–254.

Bobrov V.V. On the problem of interethnic relations in South Siberia in the third and early second millennia B.C. // Arctic anthropol. – 1988. – Vol. 25, N 2. – P. 30–46.

Материал поступил в редколлегию 17.05.16 г., в окончательном варианте – 03.10.16 г.